

18+

ОПАСНО

ЕЕ КОЖА —
МОЯ
СОБСТВЕННОСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОЗЁРНАЯ ВЕДЬМА

Озёрная Ведьма

Её кожа - моя собственность

<https://litres.ru/74396187>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она не помнит меня.

Когда я впервые увидел Вивьен Вуд, ей было тринадцать. Она сидела на балконе и молча смотрела в лес. Я запомнил её.

Прошло больше десяти лет. Теперь она в моём доме. В моей власти. Её семья мертва, а её тело - моя собственность.

Она думает, что может молчать. Что может прятать боль. Что может не просить о помощи.

Я заставляю её говорить. Заставлю желать. Заставлю доверять мне — даже когда ненавидит.

Потому что единственный способ сделать её моей — сломать её настолько, чтобы она сама захотела остаться.

#даркроман

#пленница

#психологический триллер

#власть и подчинение

#насилие

#одержимость

#темный герой

#сложные отношения

Содержание

Пролог	4
1	15
2	49
3	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Озёрная Ведьма

Её кожа - моя собственность

Пролог

Рафаэль.

Душно. Мокро. Дэн смог вывернуть и возвести в абсолют одно простое слово — «Пошумите». Вуд не должны были умирать тихо. Шум создаёт страх. Паника рождает ошибки. Ошибки рождают надежду. А надежда — самое жестокое чувство перед смертью. Когда человек ещё верит, что сейчас всё закончится хорошо, стоит только пережить ещё несколько секунд. Ещё один вдох. Ещё один шаг. Ещё одно закрытое на замок помещение.

Можно было сделать всё чище.

Подключить снайперов. Перестрелять их с двухсот метров через огромные окна гостиной. Не по одному, а сразу всех, когда они так удачно собираются всей семьёй на общем диване воскресным вечером. Никто бы даже не успел понять, что происходит. Первый выстрел, второй, третий. Стекло только после этого сообразило бы разлететься на тысячи осколков.

Ставить огромный диван напротив панорамных окон частного дома достаточно самонадеянно. Или же Стэн Вуд таким образом действительно надеялся на быструю смерть. И это тоже было слишком самонадеянно.

Нет. Нужен был шум. Погром. Крики.

Быстрая смерть — благословение для людей, которые достойно служили многие годы и лишь на секунду позволили себе усомниться в собственных действиях. Ошибка бывает разной. Кто-то ошибается от страха. Кто-то от жадности. Стэн ошибся потому, что решил стать умнее остальных.

Он слишком долго ебал мне мозг своими вертлявыми схемами, пытаясь урвать больше, чем полагается такой гниде, как он. Каждый разговор превращался в торг. Каждая сделка — в попытку незаметно изменить правила. Каждый взгляд говорил одно и то же: «Авось прокатит».

Слишком долго.

И то, что он вместе со своей семьёй прожил до этого момента, уже было недостойным его благословением.

Лишь из сочувствия к его родне.

Возможно, они действительно ни в чём не виноваты. Возможно, даже не понимают, почему сейчас их дом впитывает запах крови хозяина. Почему дорогой паркет, который хозяйка натирала до блеска, теперь жадно пьёт густую красную жижу. Почему привычный запах выпечки, кофе и деревянной мебели исчез за несколько минут, уступив место металлу, сырости и пороху.

Но Стэн не мог уйти один.

За такое один не уходит.

Вуд не мог оставить на свете двух своих сыновей и так же не мог оставить женщину, выносившую его детей. Сочувствие — непозволительная роскошь в долгой перспективе.

Пройдут годы. Они озлобятся. Начнут искать виноватых. Начнут точить клыки. Месть редко бывает опасной. Чаще всего она жалкая и предсказуемая. Но даже жалкая месть способна испортить хороший день, если вовремя не вырвать её с корнем. Оставляя подобную помеху слишком неосмотрительно. Вдобавок ко всему Стэн совершил грех, за который одной кровью не расплатишься. Поощрить подобное одной казнью — и каждый второй учует слабость. Каждый второй решит, что наказание оказалось терпимым. Каждый второй однажды попробует повторить.

Нельзя.

Дэн идиот. Нужно было просто разгромить дом, а потом спалить его дотла вместе с трупами. Огонь многое прощает. Огонь жрёт отпечатки, кровь, запах, мебель, воспоминания и фотографии в одинаковом темпе.

Но этот придурок умудрился сорвать стояк.

Теперь весь первый этаж был покрыт водой. Не глубоко. Всего несколько сантиметров. Ровное мутное зеркало, по которому лениво плыли щепки, битое стекло, клочья обоев, осколки фарфора и чьи-то детские рисунки.

Мои кожаные ботинки к такому готовы не были. Каждый

шаг даётся тяжелее предыдущего. Подошва сначала прилипла к паркету, потом с противным хлюпаньем отрывалась, поднимая вокруг себя мелкие брызги. Вода просачивалась внутрь, холодила носки, а вместе с ней в обувь забивалась древесная пыль и мелкие осколки.

Мерзость. Под ногами постоянно что-то мешалось. Разбросанные вещи. Куски мебели. Оторванная дверца шкафа. Детская машинка. Раздавленный фоторамкой семейный снимок, лица на котором размыло водой и кровью до неузнаваемости.

Дом Вуда ещё день назад напоминал уютное семейное двухэтажное гнёздышко. Тёплые бежевые стены. Не тот дешёвый жёлтый оттенок, который напоминает гниль, а глубокий, дорогой цвет, делающий помещение мягче. Повсюду мебель. Повсюду бесполезные мелочи. Китайская расписная ваза, осколки которой теперь хрустели под ногами. Стекланные фигурки. Какие-то статуэтки птиц. Фотографии в деревянных рамках. Сувениры из каждого уголка света. Магниты. Колокольчики. Маски. Камни. Даже засохшая морская звезда под стеклом.

Если не знать, откуда у него такая коллекция, это выглядело бы почти мило.

Фу, блять.

Огромные стеллажи с уже выбитыми стеклянными вставками медленно вываливали наружу всё содержимое, будто сами устали держать жизнь Вуда внутри себя. Книги распух-

ли от воды. Альбомы раскрылись. Какие-то бумаги прилипли к стенкам мебели. Смотреть на это было жалко.

Я бывал здесь раз десять. И каждый раз дом всё сильнее напоминал нору хоббита. Казалось, каждая свободная поверхность обязательно должна быть чем-то заставлена. Если оставался квадратный сантиметр, через неделю на нём уже стояла очередная бесполезная безделушка.

Наверняка его жена стирала и убиралась сутками. Подтирала пыль на очередном фарфоровом слоне с поднятым хоботом. Протирала стеклянные полки. Расставляла рамки. Полировала мебель. Потом начинала сначала.

Ведь Вуд ненавидел чужих людей в собственном доме и до усрачки боялся прислуги, оправдывая это одной и той же фразой:

«А жена мне на что?»

Будто забота о доме была проявлением любви. На самом деле — обычная трусость. Лишние люди слишком много видят.

Иронично.

Единственный раз, когда дом заполнили неизвестные, закончился кучей трупов и полным разгромом.

Может, в чём-то Стэн был прав. Не стоит пускать чужаков. Или же... Не стоит иметь дело с чужаками. Да. Так правильнее.

Сколько людей ни корми, им всегда мало. Даёшь кроху — хотят кусок. Даёшь кусок — тянут руки к тарелке. Поз-

воляешь сесть рядом — начинают примеряться к твоему месту во главе стола. А Стэн хотел всю тарелку целиком, вместе с моей головой на десерт. Забавно наблюдать, как жадность постепенно стирает человеку чувство самосохранения. Сначала он осторожничает, проверяет границы, будто случайно переступая черту носком ботинка. Потом делает ещё шаг. Потом ещё. В какой-то момент ему начинает казаться, что черта исчезла вовсе. Что раз никто не отрубил ему руку в первый раз, значит, можно засунуть её по локоть. Люди слишком быстро привыкают к чужому терпению. Принимают его за слабость. А потом искренне удивляются, когда за этим терпением наконец приходит расплата.

Я медленно прохожу мимо опрокинутого бильярдного стола. Зелёное сукно намокло и пошло тёмными разводами, болезнью расплзаясь по ткани прямо на глазах. Вода лениво стекала с перевёрнутой столешницы, срываясь тяжёлыми каплями и разбивая ровную гладь на полу. Кии раскатились по комнате, переплетаясь между собой. Один из шаров застыл у ножки кресла, отражая перевёрнутую комнату и размытые силуэты. Раньше я играл здесь с ним, и он всегда жульничал — по мелочи,, думая, что никто не замечает. Незаметно подталкивал шар пальцем. Чуть сильнее наклонял стол. Делал вид, что случайно задел кий. Замечали. Просто до поры терпели. Потому что это была всего лишь игра. Тогда казалось, что если человек мелочно мухлюет в бильярде, то этим всё и ограничится. Ошиблись.

Так уж устроены люди: сначала они благодарны за спасение, потом считают его должным, а затем начинают требовать больше. Вечно голодные псы, грызущие руку, что их кормит. Стоило один раз проявить щедрость, и вот уже в твою спину смотрят через прицел, прикидывая, как бы перекроить маршруты под себя. Они никогда не спрашивают, сколько сил стоило построить всё то, на что теперь претендуют. Они видят только результат. Деньги. Власть. Возможности. А всё, что было до этого, для них будто не существовало. Будто нужное место само по себе оказалось свободным. Люди обожают чужие вершины, но терпеть не могут смотреть на путь, который к ним ведёт.

Я перешагиваю через оплывший канделябр. Серебро теперь покрыто водяной пылью и кровавыми разводами, свечи растоптаны, фитили превратились в грязную кашу. Рядом валяется перевернутая бутылка дорогого вина. Бордовая лужа смешалась с водой, и уже невозможно понять, где заканчивается алкоголь и начинается кровь. Семейный уют.

Вода под ногами идёт мелкой рябью. Дэн приближается, разгоняя мутные потоки тяжёлыми сапогами. Он не идёт, а будто специально давит каждую лужу, заставляя воду расходить по комнате широкими кругами. Брызги ударяются о мебель, оседают на стенах и снова медленно сползают вниз. За его спиной остаётся след из грязных разводов, будто сам дом пытается запомнить каждого, кто сегодня через него прошёл.

— Она в подвале. Забивалась в угол как мышь.

— Не сбежала.

Дэн ухмыляется краем рта. Улыбка выходит короткой и какой-то ленивой, будто ответ был очевиден с самого начала.

— Не успела. Двери с улицы были перекрыты. Гнида могла догадаться и отправить её в подвал.

Я перевожу взгляд на тёмный провал лестницы. Оттуда тянет холодом, сыростью и затхлым воздухом. Внизу темно настолько, что свет от луны с первого этажа растворяется уже через несколько ступеней. Почему он сам туда не пошёл? Почему не отправил младших сыновей вместе с женой? Почему именно её? Он ведь прекрасно знал, как поступают с последним из семьи предателя. Значит, выбор был осознанным. Нелюбимая дочь? Может, жена однажды погуляла на стороне, а он долгие годы носил в себе эту гниль, улыбался за семейным столом, покупал подарки на дни рождения, фотографировался на праздниках и каждый раз видел в её лице чужого мужика. Терпел. Ждал. А теперь просто скинул лишний груз, понимая, что самому уже не выбраться. Интересно. Люди редко признаются в подобных вещах вслух, зато перед смертью очень любят принимать решения, за которые потом отвечать уже не придётся.

— Так что с ней? Быстро или медленно? Решайте скорее. Девка не в адеквате. Пыталась кинуться на Мэтта с розочкой. Хорошо, он успел руку подставить.

Голос Дэна вытаскивает меня из мыслей.

Бойкая.

Как и раньше.

Таких приятнее ломать. В их глазах дольше остальных теплится огонь. Они до последнего уверены, что смогут что-то изменить. Кричат. Кусаются. Царапаются. Верят, что ещё немного — и обязательно получится вырваться. А потом наступает момент, когда надежда ломается громче костей. Его всегда видно по глазам. Они перестают искать выход.

Я чеканю каждое слово:

— Вырубить, обезвредить, связать. Обязательно проверить все места, особенно рот. Могла спрятать там лезвие до подходящего момента.

Дэн шумно выдыхает.

— Раф, она, конечно, не в минозе, но ты ж слышал, как она визжала. Какое лезвие во рту? Скорее в пиз...

— Там тоже проверить.

Я обрубаю его прежде, чем он закончит.

Недовольно морщится, но спорить не пытается. За годы работы уже должен был понять одну простую вещь: я не люблю сюрпризы. Особенно те, которые можно было предотвратить парой лишних минут.

Одновременно отмечаю про себя другую деталь.

Я не слышал ни звука.

Ни визга.

Ни крика.

Ничего.

Значит, подвал оборудован звукоизоляцией. Информация сейчас бесполезная, но память не выбирает, что сохранить. Когда долго живёшь подобной жизнью, начинаешь собирать мелочи автоматически. Однажды именно какая-нибудь забытая мелочь может сохранить тебе голову на плечах.

Дэн сначала скривился так, будто ему предлагают голыми руками распотрошить полежавшую на жаре свиную тушу. Потом провёл ладонью по белому ёжику волос, коротко выдохнул и несколько секунд молча смотрел куда-то мне за спину. Наверное, мысленно перебирает, кому из ребят поручить эту работу, чтобы самому не возиться. Или взвешивает в голове стоит ли со мной поспорить. В конечном итоге приходит к правильному решению.

— Будет сделано.

Он уже разворачивается, тяжёлые сапоги снова поднимают на полу мелкие волны. Через пару шагов всё-таки не удерживается и, даже не оборачиваясь, бросает через плечо:

— И пошёл ты.

Я только усмехаюсь.

Дэн посылает всех почти так же часто, как дышит. Иногда кажется, что если он перестанет посылать людей нахуй, то просто задохнётся.

Я остаюсь один и поднимаю взгляд на разбитые панорамные окна. За ними шумит лес. Верхушки деревьев медленно качаются под ночным ветром, будто ничего не произошло. Луна освещает почти всё помещение холодным серебристым

светом. Вода на полу отражает её лучи, превращая комнату в дрожащее зеркало. Осколки стекла вспыхивают под ногами россыпью маленьких звёзд. Почти красиво.

Если не смотреть чуть правее.

Туда, где голова Стэна Вуда, неестественно откинута на спинку дивана, расколота топором надвое. Лезвие вошло так глубоко, что рукоять торчит вверх под нелепым углом. Кровь уже перестала течь и густыми тёмными дорожками сползла по обивке дивана, смешавшись с водой на полу. Выражение лица застыло где-то между удивлением и попыткой что-то сказать. Он так и не успел договорить.

Впрочем, теперь уже и не успеет.

Вивьен.

Холодно.

Мысль появляется раньше, чем я открываю глаза.

Она медленно впивается в спину, тонкими ледяными пальцами пробирается под кожу, ползёт между рёбрами и заставляет тело сжиматься само по себе. Кажется, что я лежу на куске льда, который за ночь успел прирасти ко мне.

Голова отдаёт тупой, вязкой болью. Каждый удар сердца отдаётся за глазами тяжёлой волной. Я морщусь и поднимаю руку ко лбу. Пальцы касаются виска раньше, чем мне удаётся полностью согнуть локоть. Рука кажется чужой. Хочется открыть глаза. Не получается. Получается только со второй попытки. Веки склеили между собой густым и липким. Будто кто-то оставил на них тонкий слой засохшей крови, и теперь мне приходится буквально вырывать себя из этой темноты.

Темно.

Настолько, что я не понимаю — глаза вообще открыты или нет. Несколько раз моргаю, но ничего не меняется. Вокруг всё та же густая, вязкая чернота, которая забивается внутрь, заполняя каждую пустоту.

Я медленно приподнимаю голову. Шея протестующе ноет. Стоит оторвать затылок от пола всего на пару сантиметров, как в позвоночник загоняют раскалённый металличе-

ский прут. Боль проходит вниз по спине, заставляя мышцы судорожно напрячься. Я с тихим выдохом снова опускаюсь обратно, чувствуя, как холод пола принимает меня назад.

Чёрт...

Со второй попытки получается сесть. Тело забывает, что должно двигаться, будто я пытаюсь оживить что-то давно мёртвое. Всё затекло. Спина ломит. Колени ноют. Поясница горит тупой болью. Ноги вообще перестали казаться частью меня. Я осторожно вытягиваю руку перед собой. Ладонь касается пола. Холодный. Очень холодный. Не дерево. Не ковер. Что-то гладкое. Камень или бетон.

По поверхности тянется едва заметная сырость, и от неё к пальцам липнет неприятный холод. Подвал. Наверное, я всё ещё дома. Наверное... Пальцы машинально скользят выше, цепляясь за ткань на собственном бедре. Мягкая. Гладкая. Атлас или шёлк. Я замираю.

Нет.

Нет...

Ладони начинают торопливо ощупывать собственное тело. Талия. Живот. Грудь. Плечи. Лямки. Тонкие. В голове медленно складывается силуэт. Сорочка. Я... Я была не в ней.

Резко чихаю.

От сырости или холода — не понимаю.

Голова тут же взрывается новой волной боли, и я непроизвольно зажмуриваюсь, прижимая ладонь ко лбу. Тише...

Тише... Пытаюсь вспомнить. Что произошло? Последнее...
Мысли цепляются друг за друга и тут же рассыпаются.
Шум. Крики. Кажется... Выстрелы. Громкие. Один за другим.

Я застываю, стараясь ухватиться хоть за что-нибудь ещё.
Ничего. Пустота. Память заканчивается ровно в том месте, где всё должно было только начаться. Шумно сглатываю. Во рту сухо. Горло неприятно саднит. Попробовать встать. Да. Нужно просто встать. Я упираюсь ладонями в холодный пол и осторожно переносу вес вперёд. Ноги дрожат ещё до того, как полностью выпрямляются. Стоит попытаться подняться, как колени тут же подкашиваются. Успеваю выставить руку и снова оказываюсь на полу.

Больно.

Собственное тело решило, что сегодня оно больше не на моей стороне. Я медленно подтягиваю колени к груди, насколько позволяет слабость, и начинаю растирать ладонями плечи. Кожа покрывается мурашками. Дыхание облачками оседает где-то перед лицом, хотя я даже не вижу его в темноте.

Тишина.

Такая густая, что её почти можно потрогать. Она давит сильнее холода. Сильнее боли. Я вдруг понимаю, что не хочу издавать ни звука. Не потому, что боюсь собственной тишины. Потому что боюсь того, кто может её услышать.

Иногда молчание кажется последней дверью между тобой

и чем-то неизвестным. Пока она закрыта, остаётся крошечная, почти детская надежда, что с другой стороны никого нет. Что весь мир просто исчез, оставив меня одну в этой темноте, как забытый кусок мяса на холодном полу.

Стоит только позвать кого-нибудь... И неизвестность обязательно ответит. Я крепче обнимаю себя за плечи. Считаю вдохи.

Раз.

Два.

Три.

Сердце постепенно перестаёт колотиться где-то в горле. Паника никуда не исчезает, но забивается глубже. Сколько времени прошло, я не знала. Может, час. Может, три. Здесь время не существовало вовсе, потому что в кромешной темноте невозможно было понять, где заканчивается одна минута и начинается следующая, а собственное дыхание становилось единственным подобием часов, только и они постоянно сбивались, стоило боли в голове усилиться.

Несколько раз пыталась считать секунды, но каждый раз теряла счёт, потому что мысли внезапно уносило куда-то в сторону, а возвращаясь, я уже не могла вспомнить, на каком числе остановилась. В какой-то момент я решила, что это даже неважно. Главное — я всё ещё была жива.

За это время я успела обойти всё помещение, насколько позволяли ноги и темнота. Потом ещё раз. И ещё. Здесь оказалось несколько небольших помещений, соединённых меж-

ду собой узкими проходами, и я ощупывала каждую стену, каждый угол, каждый сантиметр пола, надеясь наткнуться хотя бы на что-нибудь — дверь, лестницу, окно, щель, забытую кем-то вещь, да хоть ржавый гвоздь.

Ничего.

Абсолютно ничего.

Каждая комната была такой же пустой, как и предыдущая. Отсюда явно вынесли всё, что могло хоть каким-то образом помочь человеку выбраться. Самая большая из них была примерно пять широких шагов в ширину и пять в длину, и я несколько раз прошла её от стены до стены, запоминая расстояние почти на ощупь, словно эти пять шагов могли стать моим единственным доказательством того, что я ещё способна ориентироваться в пространстве.

Только голые стены, холодный пол и темнота, которая лежит на глазах чёрной повязкой, пропитанной кровью. Я вытягивала руки перед собой, но всё равно периодически врезалась плечом в стену, потому что расстояние в темноте переставало быть расстоянием, а становилось чем-то обманчивым и живым.

Я уже начинала ненавидеть эти стены за то, что они молчали.

Но хуже всего было другое. Пока я ходила, воспоминания начали возвращаться.

Они приходили кусками и хаотично. Кто-то высыпал содержимое моей памяти на пол, перемешал ногами, а теперь

заставлял меня собирать его обратно окровавленными пальцами. Одно воспоминание появлялось на секунду, следом за ним другое, совершенно не связанное с первым, и каждый такой обрывок приносил новую волну боли.

Я останавливалась, хваталась за стену и закрывала глаза, хотя это было совершенно бессмысленно, потому что вокруг и так царила абсолютная темнота. Голова начинала пульсировать сильнее, и мне приходилось пережидать приступ, прижав пальцы к вискам и заставляя себя не думать.

Сначала удар.

Короткий всплеск памяти. Чужая рука. Резкая боль. Звук, который я сама даже не смогла сразу определить — то ли хруст, то ли глухой стук. Потом темнота.

Я провела пальцами по волосам и остановилась, когда нащупала болезненное место, и от одного прикосновения меня прошиб холодный пот. Значит, это было не сном. Меня действительно ударили по голове. Я действительно потеряла сознание.

Потом отец.

Я увидела его так ясно, будто он стоял прямо передо мной, хотя вокруг по-прежнему не было ничего, кроме черноты. Он что-то сказал мне. Что-то обычное, настолько бытовое, что от воспоминания об этом сейчас стало почти тошно.

Вино.

Он попросил меня принести вино из подвала. Просто спуститься вниз и принести бутылку. Я помнила его голос. Пом-

нила интонацию.

А потом шум.

Крики.

Я остановилась посреди комнаты и прижала ладонь ко рту, потому что воспоминание ударило слишком резко. Крики смешались между собой, мужские голоса, голоса моих родных, грохот, удары, что-то падающее на пол. Я слышала это снова — не целиком, а обрывками, как запись, которую кто-то постоянно обрывает в самом страшном месте.

Один крик. Потом тишина. Другой. Тишина. Ещё один. И снова ничего.

Медленно опустилась на пол, не чувствуя холода под коленями. Крик означает, что человек ещё может кричать. А тишина после него может означать что угодно. Может быть, человек просто замолчал. Может быть, потерял сознание. А может быть, больше никогда не сможет открыть рот.

Нет.

Нет, нет, нет.

Я затрясла головой, будто могла таким образом вытряхнуть эти мысли из себя. Не смей. Даже не думай об этом. Они живы. Они должны быть живы. Если меня не убили, значит, могли не убить и остальных. Возможно, они просто оглушили всех, как меня, и растащили по разным помещениям. Возможно, сейчас кто-то из них тоже сидит в темноте и думает обо мне. Возможно, мама зовёт меня. Возможно, отец пытается найти выход. Возможно, братья уже что-

нибудь придумали.

Братья.

Мои младшие братья-близнецы слишком хорошо знали этот дом. Лучше многих взрослых. Они выросли в нём, и для них особняк давно перестал быть просто домом — он был лабиринтом, набитым маленькими секретами, потайными проходами и лазейками, о которых большинство людей даже не подозревало.

Я помнила, как они в детстве исчезали из одной комнаты, а через несколько минут появлялись совершенно с другой стороны дома, довольные собой и уверенные, что совершили величайшее преступление века. У них были свои ходы. Узкие. Неприметные. Такие, через которые взрослому человеку пришлось бы протискиваться боком, зато они могли проскользнуть туда почти бесшумно.

Они могли успеть.

Эта мысль впервые за долгое время заставила меня вдохнуть чуть глубже. Конечно, могли. Они младше, быстрее и знали этот дом до последнего скрипа половиц. Если нападавшие вошли с одной стороны, близнецы могли уйти с другой. Могли спрятаться. Могли выбраться через одну из своих лазеек. Могли сейчас сидеть где-нибудь в старой кладовой или в соседнем здании и ждать момента, чтобы позвать на помощь. Я уцепилась за эту возможность так крепко, будто она была настоящей верёвкой, свисающей с потолка.

Я заставила себя кивнуть, хотя никто этого не видел.

Именно так всё и должно быть. Все эти мужчины...

Попыталась вспомнить их лица, но перед глазами снова вспыхнула боль. Ни одного знакомого. Ни одного. Все мужчины, которые спустились за мной в подвал, были чужими. Я не знала их. Не знала голосов, не знала лиц, не знала имён, не знала, откуда они пришли и куда ушли после того, как ударили меня.

Снова почувствовала, как сердце ускоряется, но на этот раз заставила себя не поддаваться. Не сейчас. Я не имею права развалиться здесь на куски, потому что паника ничего мне не даст. Она не откроет дверь. Не приведёт братьев. Не вернёт родителей. Не объяснит, что произошло. Только отнимет силы, а силы мне ещё понадобятся.

Они живы.

Я повторила это про себя.

Они живы.

Ещё раз.

Они живы.

Пока я не знаю обратного — *они живы.*

Эта мысль становилась почти молитвой. Я повторяла её снова и снова, цепляясь за каждое слово, как человек, который тонет и находит под водой маленький выступ в скале.

Мне было страшно, настолько страшно, что хотелось свернуться в клубок и больше никогда не двигаться, но вместе со страхом внутри продолжала жить крошечная, упрямая надежда. Она была слабой. Почти жалкой. Но была. А значит,

пока я могла за неё держаться, я не собиралась сдаваться.

Только одна мысль не давала мне покоя.

Если всё действительно произошло так, как я надеялась, если все живы и нас просто разделили, то что будет дальше? Я почувствовала, как сердце будто остановилось на секунду. Потому что даже лучший вариант не означал спасения. Он мог означать только то, что всё самое страшное ещё впереди.

Опускаю взгляд на руки, поднося их максимально близко и только теперь замечаю порезы. Тонкие, неровные полосы тянутся по коже, некоторые уже подсохли, другие всё ещё неприятно саднят, когда я случайно провожу по ним пальцами. Крови почти нет, но её металлический запах всё ещё сидит где-то в памяти, смешанный с запахом вина и сырого камня.

Пытаюсь вспомнить, откуда они взялись. Подвал начал заполняться водой, и именно тогда я поняла, что наверху что-то происходит. Сначала вода была где-то у щиколоток. Я помню её холод, помню, как она обхватывала ноги и просачивалась под одежду, заставляя тело дрожать ещё сильнее. Потом её стало больше, и каждый новый звук превращался в отдельную пытку. Особенно скрип половиц наверху. Стоило мне услышать его, как сердце буквально замирало на долю секунды, а потом начинало биться так сильно, что хотело пробить рёбра и выбраться наружу.

Потом скрип раздался прямо на лестнице. Старое дерево стонало под чужим весом. Руки сами нашли бутылку вина, и

я даже не успела подумать, прежде чем со всей силы ударила её о край чего-то твёрдого. Стекло разлетелось в ладони, превратив обычную бутылку в уродливое подобие оружия, а острые края впились в кожу маленькими стеклянными зубами.

Наверное, именно тогда я и порезалась, хотя сейчас уже не могу точно сказать, сколько времени прошло между этим моментом и тем, как всё исчезло.

Я помню напряжение. Зверское, от которого тело перестаёт принадлежать тебе и начинает существовать отдельно, руководствуясь одним-единственным желанием — выжить. Каждый мускул был натянут до предела, дыхание застряло где-то в груди, а пальцы так сильно сжимали осколок, что я почти не чувствовала собственной кожи. Дальше память снова проваливается в чёрную дыру.

Возможно, я пыталась защищаться. Возможно, на меня действительно напали. Возможно, я сама ударила кого-то первым движением, а потом получила по голове. Я ничего не знаю наверняка, и это бесит.

Снова провожу пальцами по порезам и начинаю думать о самом очевидном варианте. Возможно, украли только меня. Не всю семью. Только меня.

От этой мысли внутри становится холоднее даже здесь, в этом промёрзшем подвале, потому что тогда всё происходящее начинает слишком хорошо напоминать фильмы про похищение с требованием выкупа, где девушку запирают в ка-

ком-нибудь грязном помещении, а потом звонят родным и называют сумму, от которой у нормального человека должна остановиться кровь.

Только есть одна проблема. Если я заболею, переохлажусь или просто умру от голода и обезвоживания, денег они всё равно не получат.

Чихаю ещё раз, и после этого несколько секунд просто сижу, пытаюсь прийти в себя. Нос заложен, горло саднит, тело продолжает дрожать мелкой, раздражающей дрожью, которую уже невозможно остановить одним усилием воли.

Значит, времени прошло действительно много, если холод успел так глубоко пробраться внутрь. Я заставляю себя подняться и снова начинаю ощупывать стены, иду вдоль них медленно, сантиметр за сантиметром, пока наконец не найду угол, который кажется чуть менее ледяным, чем остальные.

Может, мне просто хочется в это верить, но даже маленькая разница сейчас ощущается почти как роскошь.

Устраиваюсь там, подтянув ноги к груди, но сидеть неподвижно становится невозможно. Периодически двигаю руками, растираю плечи, сгибаю и разгибаю пальцы, поднимаюсь и снова приседаю, делаю несколько простых упражнений, лишь бы тело продолжало вырабатывать хоть немного тепла. Выглядит это, наверное, жалко, но плевать. Я лучше буду выглядеть как сумасшедшая, которая приседает в тёмном подвале, чем превращусь в ледяной труп, который по-

том найдут в этом самом углу.

Каждый раз, когда мышцы начинают болеть, я напоминаю себе, что боль — это хорошо, потому что боль означает, что я всё ещё чувствую.

А потом начинаю ощущать голод. Я прижимаю ладонь к животу, словно могу таким образом заставить его замолчать, но получается только хуже.

Желудок напоминает о себе всё настойчивее, и вместе с ним приходит другая мысль — пить хочется не меньше. Во рту становится сухо настолько, что каждый глоток собственной слюны ощущается неприятным, а язык покрывается тонким слоем пыли.

Расклад с похищением ради выкупа становится всё менее удачным. Если они действительно хотят денег, почему меня оставили здесь без воды? Почему не дали одеяло? Почему никто не пришёл проверить, жива ли я?

Похитители должны понимать, что заложник — это не вещь, которую можно бросить в подвал и забыть на несколько часов. Заложник должен оставаться живым, иначе весь смысл исчезает вместе с ним.

Отец...

Я задерживаю дыхание.

Вот здесь надежда начинает неприятно скрипеть старой дверью. Я не уверена, что он действительно отдаст за меня большую сумму денег. Возможно, отдаст. Возможно, увидит в этом шанс избавиться. Возможно, будет делать всё, что-

бы меня вернуть. Но я слишком хорошо знаю его характер, чтобы допустить и другой вариант — он может начать торговаться.

Я почти вижу это перед глазами. Холодный взгляд. Спокойный голос. Никакой паники. Никаких эмоций, которые могли бы помешать принять решение. Он способен рассматривать даже меня как часть сделки, если будет уверен, что цена завышена. Может сказать, что столько денег у него нет. Может предложить меньше. Может попытаться выиграть время. А мне останется только надеяться, что мама окажется рядом и сможет переубедить его раньше, чем станет слишком поздно.

Да.

Надежда остаётся только на маму.

Невольно улыбаюсь, хотя улыбка получается какой-то кривой и слабой. Лео и Маркус точно не расстроятся. Если со мной что-нибудь случится, они наверняка через неделю превратят мой чулан в штаб, притащат туда какие-нибудь инструменты, провода, коробки и всё остальное, что только смогут найти, а потом начнут отыгрывать свои вымышленные концерты, будто ничего страшного в мире вообще не произошло.

Я почти слышу их голоса, представляю, как они спорят из-за какой-нибудь совершенно идиотской мелочи, а потом оба одновременно заявляют, что именно они главный музыкант группы.

Закрываю глаза и снова повторяю это себе. Мама найдёт способ. Отец, каким бы он ни был, не позволит мне умереть, если действительно знает, где я. А если меня похитили ради денег, значит, рано или поздно кто-нибудь придёт. Дверь откроется. Я услышу голоса. Увижу свет. И всё это закончится.

Есть хочется всё сильнее.

Я снова прижимаю ладонь к животу, но теперь даже это движение кажется тяжёлым. Жажда становится болезненной, губы пересыхают, а холод уже не заставляет меня дрожать так сильно, как раньше.

Я знаю, что это плохой знак, хотя не хочу думать об этом. Организм начинает экономить последние силы, а сон подбирается незаметно, предлагает мне хотя бы ненадолго перестать бояться.

Нельзя спать. Я заставляю себя открыть глаза. Снова встаю. Делаю несколько шагов. Растираю руки. Сажусь. Снова поднимаюсь.

Но движения становятся всё медленнее, а мысли — тяжелее. Внутри головы кто-то постепенно выключает свет, один маленький выключатель за другим, и мне уже приходится прикладывать усилие, чтобы удерживать их включёнными.

Я обещаю себе, что только на секунду прикрою глаза. Только чтобы дать голове отдохнуть. Только на секунду.

Подтягиваю колени к груди, устраиваюсь в найденном тёплом углу и прижимаюсь спиной к стене. Холод всё ещё здесь, но теперь он кажется каким-то далёким, почти неваж-

ным, будто между мной и ним постепенно появляется толстая прослойка ваты. Дыхание становится медленнее. Сердце больше не колотится — наоборот, каждый удар кажется слишком тяжёлым и редким.

Я ещё успеваю подумать о маме, о братьях и о том, что утром — если сейчас ночь — всё обязательно изменится.

Я обязательно проснусь. Обязательно. Глаза закрываются сами. И на этот раз я уже не уверена, что смогу заставить их открыться.

Из сна меня выдергивает яркий свет, который сразу обжигает глаза.

Резко дёргаюсь, пытаюсь прикрыть лицо руками, но тело отказывается слушаться так быстро, как мне хочется. Несколько секунд я вообще не понимаю, где нахожусь, и только потом слышу над собой грубый голос, настолько близкий, что сердце моментально проваливается куда-то в живот.
— Поднимайся.

Веки тяжёлые, раздражённые, каждый раз, когда я пытаюсь их раздвинуть, ощущение такое, словно под ними мелкие осколки стекла трутся о глазные яблоки. Прикрываю лицо рукой, несколько секунд привыкаю к свету и только потом осторожно приоткрываю глаза. Надо мной виднеется прямоугольный проход в потолке, а из него вниз спускается металлическая лестница.

Говорившего я не вижу, и почему-то именно это заставляет меня замереть сильнее, чем если бы он стоял прямо пе-

редо мной.

Плохое предчувствие приходит сразу. Всё это время в подвале казалось, будто время остановилось, будто вместе с дверью сюда заперли и весь внешний мир, оставив меня в каком-то промежутке между вчера и завтра.

Здесь ничего не происходило, и в этом была своя странная безопасность — пока я сидела в темноте, можно было при-творяться, что никто не придёт, никто не тронет меня, а моя семья где-то существует в той же неподвижной реальности. Но теперь появился свет.

Вместе со светом снова пошло время, и вместе с ним в эту комнату вернулось всё остальное — люди, опасность, вопро-сы, ответы, которых я совершенно не хотела знать.

Даже если бы я сейчас решила броситься на человека, ко-торый наверняка сильнее меня в несколько раз, чем бы это закончилось? Меня всё равно поднимут вверх, если им это понадобится, или просто снова бросят в подвал, если решат, что я слишком много себе позволяю.

Я слишком голодна, слишком замёрзла и слишком слаба, чтобы изображать героиню фильма, которая внезапно вспо-минает о скрытых резервах организма и раскидывает голы-ми руками вооружённых мужчин. Желудок уже буквально скручивает меня изнутри, и от голода даже мысль о сопро-тивлении кажется физически тяжёлой.

Медленно поднимаюсь.

Металлическая лестница холодная под ладонями. Паль-

цы скользят по перекладинам, и я сжимаю их сильнее, стараясь не сорваться. Ноги дрожат так сильно, что первая ступень кажется высотой в метр, а вторая — вообще непреодолимой преградой. Я поднимаюсь медленно, ступень за ступенью, чувствуя, как слабость расползается по всему телу, и каждый раз, когда я переносу вес на очередную перекладину, мне приходится заставлять себя не остановиться.

Чем выше я поднимаюсь, тем сильнее становится свет.

Он бьёт в глаза, отражается от стен, забивается под веки, заставляя щуриться так сильно, что начинают болеть мышцы вокруг глаз.

Я поднимаюсь ещё на одну ступень и наконец выбираюсь из подвала, почти выпадая наверх, потому что ноги не выдерживают собственного веса. Первое, что я чувствую, — тепло. Просто нормальное человеческое тепло, которое после нескольких часов в ледяном подвале ощущается почти неправдоподобно. Оно обволакивает кожу, забирается под тонкую сорочку и впервые за долгое время заставляя меня перестать дрожать хотя бы на несколько секунд.

Щурюсь и осматриваюсь.

Комната небольшая. Здесь немного мебели — стол, несколько стульев, какой-то шкаф у стены, ничего особенного, ничего такого, что могло бы объяснить, где я нахожусь.

Всё выглядит слишком обыкновенно.

Я ожидала увидеть что-то ужасное, какое-нибудь помещение из кошмаров, но вместо этого вижу обычную комнату, в

которой кто-то мог бы спокойно жить. Мой взгляд первым делом цепляется за отверстие в полу. За ту самую дыру, из которой я только что вылезла.

По коже тут же проходит неприятная дрожь. Воспоминание о холодном бетоне, воде, темноте и собственном страхе возвращается слишком быстро, и на секунду мне кажется, что я снова чувствую под ногами ледяную воду. Отворачиваюсь, заставляя себя смотреть куда угодно, только не туда. Я выбралась. Сейчас я наверху. Нужно помнить об этом. Наверху должно быть лучше.

Смотрю на руки.

Теперь при свете всё становится гораздо очевиднее. На предплечьях действительно множество мелких царапин, тонких и неровных, будто кожу прошлись десятками маленьких когтей. В них забились подвальная пыль, из-за чего порезы выглядят ещё хуже, чем ощущаются, хотя я понимаю, что от такого поверхностного загрязнения серьёзного заражения, скорее всего, не будет.

Просто кожа будет восстанавливаться дольше, воспаление может держаться сильнее, а заживать всё это будет раздражающе медленно. Провожу пальцем рядом с одной из царапин и тут же морщусь от неприятного покалывания. Наверное, я действительно разбила ту бутылку голыми руками.

И только потом я замечаю его.

Единственную тёмную фигуру в комнате.

Мужчина стоит, подпирая дверной проём, сложив руки

на груди, и молча наблюдает за мной. Он кажется огромным — раза в четыре, а то и в пять больше меня, и рядом с ним я впервые особенно остро ощущаю, насколько маленькой и слабой стала за последние часы.

Одет полностью в чёрное, без единой яркой детали, а на предплечьях виднеются татуировки, которые уходят под рукава и теряются там, где заканчивается мой взгляд. Волосы белые и по-армейски короткие. Он не двигается и просто смотрит.

Желание прыгнуть обратно вниз появляется мгновенно.

Потому что подвал хотя бы был понятен.

Там было холодно, темно и страшно, но я знала границы этого страха.

Здесь же передо мной стоял человек, который являлся частью всего происходящего. И я его помнила. Не лицо целиком — скорее силуэт, отдельные детали, движение, голос, — но помнила. Он был там. У меня дома. Среди тех мужчин, которые спустились за мной.

Я хочу спросить, что здесь вообще происходит. Где я? Что с моими родными? Что стало с домом? Зачем всё это? Куда меня привезли? Почему именно я?

Вопросов слишком много, и они давят друг на друга, превращаясь в один сплошной комок паники. Открываю рот, собираясь спросить, но из горла выходит только жалкий скрип. Я сама не узнаю этот звук. Горло пересохло настолько, будто по нему провели наждачной бумагой, а потом оставили

внутри кусок раскалённого металла.

Мужчина сканирует меня взглядом. Сначала лицо. Потом плечи. Ниже. Его взгляд задерживается на предплечье, на царапинах, в которых всё ещё сидит подвальная пыль. Он щёлкает языком, медленно выпрямляется и на несколько секунд просто смотрит на мои руки, будто оценивает последствия какой-то проблемы, к которой лично он отношения не имеет.

— Пошли, — говорит наконец.

Разворачивается ко мне спиной и, сделав несколько шагов, бросает через плечо с какой-то странной интонацией, которой обычно разговаривают с проблемными детьми, заранее зная, что те всё равно сделают какую-нибудь глупость:

— Только, бля, не буянь. Нам это обоим нахуй не надо.

Я на секунду даже забываю испугаться. Настолько странно это звучит. Он действительно просит. Не приказывает и не угрожает.

Может, если я начну сопротивляться, ему самому попадёт по шапке. Может, ему не хочется тащить меня обратно в подвал, связывать, удерживать или объяснять кому-то, почему я снова устроила проблемы. А может, ему просто плевать, и эта интонация ничего не значит.

Я пытаюсь сделать шаг. Ноги подгибаются. Хватаюсь рукой за край ближайшей мебели и замираю, пока желудок скручивает очередной болезненный узел. Кажется, внутри меня осталось только пустое пространство, которое теперь

кто-то медленно выворачивает наизнанку.

Даже стоять прямо оказывается сложно, а уж сопротивляться человеку размером со стену — вообще смешно. Я снова думаю о том, что должна была бы закричать, ударить, убежать, сделать хоть что-нибудь, но для всего этого мне сейчас не хватает самого простого ресурса — сил.

Закричать...

Ха.

Да мне бы хотя бы одно слово выдавить из себя.

Но вместо этого я только сглатываю сухость в горле и делаю ещё один шаг следом за мужчиной, который уже успел отойти к двери.

Он открывает дверь и придерживает её для меня, будто мы не в доме, где меня держали взаперти, а в каком-то совершенно обычном месте, где подобные жесты являются частью воспитания. Я на секунду задерживаюсь, не понимая, действительно ли должна пройти первой, но мужчина просто смотрит на меня и слегка кивает в сторону открытого проёма. Приходится идти.

Переступаю порог, а он выходит следом, оставляя дверь открытой. Мы выходим в огромный зал, и первые несколько секунд я просто не могу заставить себя идти дальше. Потолок здесь настолько высокий, что взгляд невольно поднимается вверх, пытаюсь отыскать его границы, а массивная люстра под ним выглядит так, будто её сняли с потолка какого-нибудь старого театра и повесили сюда вместе с частью про-

шлого.

По стенам тянутся тёмные деревянные панели, местами разбавленные глубоким изумрудным цветом, который в этом освещении кажется почти чёрным. Такой зелёный не выглядит живым — скорее напоминает цвет болотной воды, в которой слишком долго пролежало что-то мёртвое, и от этого весь интерьер кажется одновременно дорогим и каким-то зловещим.

Чёрные детали поглощают свет, золотистые элементы только подчёркивают глубину теней, а длинный ковёр под ногами настолько тёмный, что я невольно думаю о том, сколько на нём могли скрыть следов.

Медленно иду следом за женщиной, стараясь не смотреть по сторонам слишком откровенно, но любопытство всё равно оказывается сильнее осторожности. Огромные окна закрыты тяжёлыми шторами, на стенах висят картины в массивных рамах, а между ними стоят высокие декоративные вазы, больше похожие на музейные экспонаты.

Здесь всё кажется слишком большим для обычного человека — двери, потолки, лестница, даже расстояния между предметами, словно дом строили не для жизни, а для того, чтобы каждый входящий ощущал себя маленьким и незначительным.

В воздухе нет привычного домашнего запаха еды, стирального порошка или древесины, только холодная смесь дорогого дерева, пыли и чего-то терпкого, незнакомого. И са-

мое странное — вокруг абсолютно никого.

Мы поднимаемся на второй этаж, и мужчина идёт рядом со мной. Я слышу собственные шаги и его шаги, которые почти идеально совпадают по ритму, и от этого возникает ощущение, что меня сопровождает не человек, а тень.

Ни прислуги, ни охраны, ни случайно проходящего человека я не вижу.

Даже за закрытыми дверьми не слышно голосов. Я впервые нахожусь в этом здании и понятия не имею, где оно расположено, сколько здесь этажей и сколько людей вообще может находиться за этими стенами.

На втором этаже становится ещё тише. Здесь коридор длинный, стены снова покрыты тёмным деревом и изумрудной тканью, а между дверьми горят небольшие настенные светильники, дающие приглушённый жёлтый свет.

Я стараюсь запоминать повороты, расположение дверей, лестницу, окна, любые детали, которые когда-нибудь могут оказаться полезными, если мне понадобится отсюда сбежать. Может быть, это глупо, но мозг цепляется за возможность побега, потому что альтернатива слишком страшная.

Пока я способна запоминать дорогу, значит, я ещё не совсем беспомощна.

Мы останавливаемся перед деревянной дверью. Она расписана сложным узором, тёмные линии переплетаются между собой так, что рисунок напоминает ветви какого-то дерева, а металлическая ручка холодно блестит в приглушённом

свете.

Мужчина стучит.

Один раз. Второй.

Я даже успеваю подумать, что за дверью сейчас может никого не быть, но голос изнутри раздаётся раньше, чем я успеваю придумать хотя бы одну нормальную версию.

— Входи.

Резко и коротко.

Тень открывает дверь и пропускает меня вперёд. На этот раз он не говорит ни слова, просто отходит в сторону, и мне ничего не остаётся, кроме как сделать шаг внутрь. Я переступаю порог и инстинктивно прохожу дальше, почти к центру комнаты, потому что стоять в дверях рядом с человеком, который привёл меня сюда, почему-то кажется ещё более неправильным.

Кабинет оказывается просторным, но не огромным, и после гигантского зала выглядит почти уютным.

В углу стоит небольшой диван. Посередине, ближе к большому окну, расположен массивный стол, а по обеим сторонам стены заняты высокими стеллажами с книгами. Здесь тоже преобладают чёрный и глубокий изумрудный, только теперь эти цвета кажутся не просто частью интерьера, а чем-то намеренно выбранным.

Книги стоят ровными рядами, некоторые выглядят настолько старыми, что их корешки почти сливаются с деревянными полками. За окном виден только кусок серого неба,

и света от него слишком мало, чтобы сделать комнату по-настоящему светлой.

А потом я замечаю человека за столом.

И я не могу нормально его описать.

Может, дело в том, что я стою посреди чужого кабинета вся в пыли, в чёртовой сорочке, с царапинами на руках и с пустым желудком, после нескольких часов в подвале, где единственным собеседником была собственная паника.

Может, дело в том, что я впервые вижу его и мозг просто не успевает подобрать правильные слова. Но от него веет темнотой. Не метафорической, не красивой книжной темнотой, которую можно описать красивыми словами, а чем-то настолько тяжёлым, что мне хочется сделать шаг назад ещё до того, как он на меня посмотрит.

Он поднимает глаза.

И мы встречаемся взглядами.

Меня пробирает толпа холодных мурашек. Они бегут от затылка вниз по позвоночнику, забиваются под кожу и заставляют каждый волосок на теле встать дыбом.

У него острый взгляд, серые, туманные глаза, которые не смотрят на меня, а проходят насквозь, словно я прозрачная и он способен видеть всё, что находится под кожей.

Черты лица слишком острые, выверенные, хищные, и мне на секунду кажется, что передо мной не человек, а волк.

Я не могу отвести взгляд.

Меня препарируют изнутри без наркоза. Он уже вскрыл

меня, раздвинул рёбра и теперь спокойно рассматривает всё то, что я отчаянно пытаюсь спрятать даже от самой себя.

По коже начинает выступать липкий слой холодного пота, ладони становятся влажными, а сердце бьётся так громко, что я уверена — его слышно на другом конце комнаты.

С каждой секундой это становится всё более невыносимым, и я уже начинаю думать, что просто рухну здесь, когда сбоку раздаётся низкий собачий рык.

Я дёргаюсь и воздух возвращается в лёгкие.

Огромный ротвейлер, до этого лежавший у края стола, поднимается во весь рост. Он кажется почти таким же огромным, как мужчина, который привёл меня сюда, только эта масса мышц хотя бы не пытается скрыть, что вполне способна откусить мне руку.

Шерсть на загривке приподнята, пасть слегка приоткрыта, а низкое рычание вибрирует где-то в груди, заставляя меня инстинктивно сделать шаг назад. Ноги сами отступают, прежде чем я успеваю приказать им остановиться.

— Лежать.

Раздаётся тот же резкий голос, который приказал войти.

Я почти истерически усмехаюсь, потому что мой мозг каким-то образом практически выполнил команду, предназначенную собаке, раньше, чем я вообще поняла, что происходит.

Отлично. Просто прекрасно.

Я уже настолько не понимаю происходящее, что гото-

ва подчиняться любому голосу, который звучит достаточно уверенно. Кажется, я действительно начинаю сходить с ума.

Нужно хотя бы попытаться взять себя в руки. Хотя бы дышать. Хотя бы стоять.

Мужчина, который привёл меня, даже не успевает отойти от двери, как хозяин кабинета снова обращается к нему.

— Ты должен был держать её.

В голосе появляется недовольство, и я перевожу взгляд с ротвейлера на Тень. Тот на секунду смотрит на меня, потом на своего хозяина.

— Ой, блять, а то она сбежит.

Он поворачивается ко мне с абсолютно невозмутимым выражением лица, а затем неожиданно топает ногой в мою сторону.

— Беги!

Я просто смотрю на него. В ступоре.

Он действительно это сказал?

Тень снова поворачивается к хозяину и разводит руками.

— Пиздец, пятками сверкает, хуй догонишь.

Хозяин шумно выдыхает. Очень медленно. Так, как выдыхают люди, которые уже начинают жалеть, что вообще позволили кому-то открыть рот. Кладёт руки на стол и откидывается в кресле, после чего снова смотрит на меня.

Я же принципиально нахожу себе объект намного приятнее.

Вон какая милая собачка. Большая. Зубастая. Очень ми-

лая. Может, сегодня именно она обглодает мои кости, и это окажется самым безболезненным вариантом из всех возможных.

Бр-р-р...

— Вся твоя родня мертва.

Слова простреливают насквозь. Перестаю дышать. На секунду — всего на одну — кажется, что время снова остановилось. Только теперь это не та спасительная неподвижность подвала, где я могла притворяться, что ничего не происходит.

Это мгновение, в котором мой мозг просто отказывается принимать услышанное. Слова ударились о какую-то внутреннюю стену и не смогли пройти дальше.

Мертва.

Нет.

Я моргаю.

Один раз.

Второй.

Смотрю на него, ожидая, что он сейчас усмехнётся, скажет, что это шутка, что угодно. Любое объяснение. Любую ложь. Мне всё равно. Только не это.

Мертва.

Внутри что-то проваливается.

Подо мной внезапно исчез пол, и я падаю куда-то бесконечно глубоко, не имея возможности за что-либо ухватиться.

Воздух застревает в горле, пальцы начинают дрожать, а

перед глазами расплывается кабинет, хотя я изо всех сил пытаюсь продолжать смотреть на мужчину. Я хочу сказать, что он врёт. Хочу закричать. Хочу потребовать доказательства. Хочу спросить, где моя мама, где мои братья, что они с ними сделали, как они могли умереть, почему я осталась жива.

Но рот не слушается. Из него не выходит ни звука. Я просто стою посреди чужого кабинета в одной тонкой сорочке, покрытая подвальной пылью, с царапинами на руках, и смотрю на человека, который только что одним предложением вырвал из моей жизни всё, ради чего я ещё несколько часов заставляла себя дышать.

— Не знаю, с чего Стэн взял, что лучшая участь для тебя — остаться последней выжившей, но поверь, скоро ты начнёшь им завидовать.

Я...

В голове такой вакуум, что я не могу сконцентрироваться на его словах. Они доносятся до меня откуда-то издалека, словно я нахожусь под толщей воды, а он стоит на поверхности и спокойно разговаривает, не замечая, как я бьюсь где-то внизу, поднимая со дна мутный ил.

Рот беззвучно открывается и закрывается, как у выброшенной на берег рыбы, но вопросы не складываются в слова, потому что в голове осталось только одно — слово из его фразы. Выжившая. Я не понимаю, почему именно оно цепляется за сознание, но оно крутится там снова и снова, пока остальные мысли распадаются на бессмысленный шум.

В глазах начинает мутнеть. Кто-то медленно проводит влажной ладонью по стеклу, отделяющему меня от окружающего мира, а потом изображение расплывается окончательно. Я моргаю, пытаюсь вернуть резкость, но становится только хуже.

Через несколько секунд сама не понимаю, что происходит, пока не провожу ладонью по щеке и не чувствую на пальцах влагу. Смотрю на неё несколько мгновений, будто впервые вижу слезу и совершенно не понимаю, откуда она взялась.

— Что? — слышу собственный голос, но он доносится через вату.

— С этого дня ты принадлежишь мне.

Теперь я слышу каждое слово. Не потому, что они стали громче, а потому, что каждое из них медленно проваливается внутрь, оставляя после себя холодный след. Я поднимаю на него глаза, и на секунду мне кажется, что я должна возразить, сказать хоть что-нибудь, но язык будто прилип к нёбу.

— Каждое твоё действие, каждое твоё слово и каждая твоя мысль будут иметь последствия. Ты трофей, привязанный к этому дому и не имеющий собственной воли. За каждым слушанием последует наказание. Так будет до тех пор, пока ты мне не надоешь или пока тебя не захочет купить кто-то, кому твой отец насолил не хуже, чем мне. Ты услышала?

Я киваю. Хотя не могу разобрать ни слова.

Я снова под толщей воды. Только теперь вода стала ещё

глубже, а дно ушло куда-то вниз, туда, где нет ни света, ни воздуха. Ударяюсь о него, поднимая вокруг себя густой ил, который забивается в рот, нос, глаза, и пытаюсь вдохнуть.

Мне хочется вынырнуть.

Просто сделать один вдох. Один нормальный вдох, который не будет пахнуть страхом. Но вместо воздуха в грудь забивается что-то тяжёлое, вязкое, и я только сильнее тону.

— Из доступного у тебя будет конура, немного одежды, еда один раз в день. Всё остальное ты будешь получать за хорошее поведение и моё благоприятное расположение духа. Выходить без приказа тебе запрещено, пока для тебя здесь не найдётся работа.

Конура.

Я слышу это слово и почему-то представляю маленькое помещение без окон, холодный пол и дверь, которая закрывается снаружи.

Смешно, насколько точно оно подходит к моему прошлому положению. Но тогда у меня был дом. Вещи, которые я могла трогать, когда хотела. Теперь мне предлагают конуру так, будто делают одолжение.

Он переводит взгляд на мужчину у двери.

— Надо выяснить, чем она может быть полезна. Это на тебе.

— Да ебать тебя за...

Тень начинает говорить с такой искренней досадой, будто ему только что поручили лично разобрать этот огромный

особняк по кирпичу. Но договорить ему не дают. Хозяин даже не повышает голос — просто смотрит на него, и этого оказывается достаточно, чтобы остальные слова застряли где-то у мужчины в горле.

Я перевожу взгляд с одного на другого и впервые замечаю в их отношениях что-то странное. Тень явно не боится говорить ему то, что думает, но при этом прекрасно знает, где заканчивается дозволенное.

— У тебя больше нет дома.

Эти слова звучат тише предыдущих и уже предназначены мне.

— Нет родни. Тебе некуда бежать. Сделаешь шаг в неверном направлении — и я узнаю об этом. И когда я узнаю, тебе не понравится то, что последует за этим.

Последние слова закачались над головой, как скрип гильотины над шеей. Я чувствую, как голова сама собой опускается, шея больше не способна удерживать её прямо. Слезы снова начинают течь быстрее, одна за другой, горячие дорожки ползут по щекам и падают на тонкую ткань сорочки.

Я не хочу плакать. Ненавижу плакать. Особенно перед людьми, которые могут принять мои слёзы за слабость, а слабость здесь, судя по всему, будет стоять мне гораздо дороже, чем я могу себе позволить.

Пытаюсь сделать вдох поглубже, но грудь сводит. Внутри всё ещё теплится крошечная, почти нелепая мысль, что он может лгать. Что мама жива. Что братья где-то прячутся.

Что Стэн действительно что-то сделал, что всё происходящее является частью какого-то плана, который я пока просто не способна понять.

Я цепляюсь за эту мысль, хотя она уже больше похожа на тонкую нитку, чем на надежду. Если отпустить её сейчас, я не уверена, что внутри останется хоть что-нибудь.

Мужчина за столом некоторое время просто смотрит на меня. Потом его взгляд становится безразличным. Будто всё, что он хотел сказать, уже сказано. Будто моя жизнь уже решена. Будто я действительно стала всего лишь вещью, которую поставили на нужное место и теперь собираются использовать тогда, когда понадобится.

Он слегка поворачивает голову к Тени.

— Проводишь её в конуру.

Тот тяжело вздыхает.

— И принеси что-нибудь с кухни. Она сейчас с голоду упадёт.

Рафаэль

— Я, блять, надеюсь, ты хотя бы сегодня решил не убивать посыльного за то, что он пришёл не вовремя, — раздаётся голос Дэна.

Я поднимаю глаза.

Он заходит внутрь, прикрывает дверь пяткой и плюхается на край дивана, совершенно не спрашивая разрешения. В руках несколько листов, смятых так, будто он всю дорогу держал их в кулаке. На лице выражение человека, который сейчас собирается перечислить мне слишком много информации и уже заранее устал от собственного отчёта. Жестом показываю ему говорить.

— По работе всё сделали. Дом чистый, камеры проверили, тела убрали, следов лишних не осталось. С соседями тоже вопрос закрыт, никто ничего интересного не видел, а те, кто видел, теперь слишком заняты тем, чтобы вспоминать детали.

Говорит буднично, перелистывая бумаги, словно перечисляет список покупок, а не результаты операции, после которой одной семьи больше нет, а у другой появилась новая пленница.

Я молча смотрю на него, ожидая продолжения.

— Стив собрал информацию на девчонку.

Протягиваю руку.

— Что нашёл?

— Всё, что смог. Образование, привычки, связи, история, окружение. Даже кое-какие вещи, о которых она сама, скорее всего, давно забыла... — Пролистываю первые страницы, бегло пробегая глазами по строчкам. Имя. Даты. Фамилия. Сведения о семье. Несколько фотографий. — А ты тоже забыл или хорошо притворяешься?

Поднимаю взгляд и мне не нравится выражение с которым он смотрит на меня.

— Хочешь урезанный оклад?

Дэн сужает глаза, в голове взвешивая стоит ли развивать эту тему. Но чувствует, что угрожаю я серьёзно, поэтому откидывается в кресле назад, смирившись с моим увиливанием.

Правильный выбор.

— И что с работой?

Дэн кивает, смотря в окно.

— Нашлась. На кухне. Я уже сказал Мэри присмотреться к варианту и проверить, сможет ли она справиться. — Он пожимает плечом. — Думаю, сможет. В крайнем случае не сможет — найдём другое применение.

Снова опускаю взгляд на бумаги. Мне не нравится, когда вещи остаются без применения. Люди, впрочем, тоже. Особенно те, за которых приходится отвечать, даже если они об этом не просили. Она должна быть занята. Это не только во-

прос пользы. Занятость не оставляет времени думать о побеге, а человеку, который потерял всё за одну ночь, слишком много свободного времени может оказаться опаснее любого оружия.

Дэн замолкает на несколько секунд. Потом произносит:

— И ещё всплыл Диего.

Моя рука останавливается над бумагой.

— Что ему понадобилось?

— Узнал, что она осталась жива.

Я медленно поднимаю взгляд. Дэн сразу замечает выражение моего лица и криво усмехается.

— Ага. Именно такая реакция у меня тоже была. Он уж очень хочет приехать. Переговорить лично. Либо по поводу неё, либо по поводу тех, кто может захотеть её купить.

Я кривлюсь.

Диего.

Одно это имя вызывает неприятный привкус во рту. Есть люди, которым я не доверяю потому, что они однажды предали. Есть те, кому не доверяю потому, что видел, как они предают других. А есть Диего — человек, которому я не доверяю просто по факту его существования. Слишком гладкий. Слишком улыбчивый. Слишком любезный там, где нормальный человек уже давно показал бы зубы. Такие люди никогда не приходят просто поговорить, потому что за каждым их словом обычно стоит ещё три, которые они предпочитают оставить при себе.

— Он хочет переговорить со мной?

— С тобой, — подтверждает Дэн. — И, судя по всему, очень хочет получить доступ к девчонке.

— Не получит.

Дэн хмыкает.

— Я даже не сомневался.

— Пусть ждёт.

— Долго?

Я пожимаю плечом.

— Пока не надоест.

Дэн усмехается, но ничего не говорит. Он знает, что это не шутка. Диего может ждать день, неделю, месяц — мне всё равно. Чем сильнее он хочет получить её, тем меньше мне хочется отдавать её ему. Это даже не вопрос денег. Не вопрос выгоды. Просто из принципа.

Я закрываю папку и откидываюсь в кресле.

Тишина затягивается. Дэн сначала сидит в одной позе, откинувшись на спинку дивана и закинув на неё руку, продолжая смотреть в окно так, будто за стеклом внезапно появилось нечто гораздо более интересное, чем разговор со мной. Потом его пальцы начинают барабанить по кожаной обивке, сначала едва слышно, потом всё настойчивее. Через несколько секунд ему и этого становится мало, и он меняет положение, сгорбившись и уперевшись локтями в колени, а следом начинает постукивать подошвой берца по полу. Ритм получается раздражающе ровным, и я какое-то время терплю,

продолжая смотреть на бумаги перед собой, хотя уже давно не читаю ни одной строчки. В конце концов моё терпение заканчивается.

— Ты хочешь что-то сказать? — спрашиваю, растягивая губы в напряжённой ухмылке и складывая руки на столе.

Дэн весь подбирается. Вижу, как он собирает в голове слова, перебирает их, отбрасывает одно за другим и в итоге выплёвывает что-то настолько бессвязное, что у меня начинает дёргаться правый глаз.

— А вот... ну, «это», — он обводит меня и всё помещение пальцами, хер знает что вообще пытаюсь сказать. — Может стать *проблемой*?

Да всё что угодно может стать проблемой, если приближённые ко мне люди не научатся излагать свои мысли. Набираю в грудь побольше воздуха и сам чувствую, как ухмылка медленно превращается в оскал. Дэн не идиот, чтобы действительно не понимать, что именно хочет спросить, и я не настолько тупой, чтобы не понимать, что он сейчас делает. Он просто не может произнести вслух то, что я не хочу слышать, но любопытство распирает настолько сильно, что он готов превратить обычный разговор в идиотские шарады, лишь бы всё-таки добраться до нужного вопроса. Иногда мне кажется, что его природное любопытство однажды действительно доведёт его до могилы, а я ещё и буду вынужден объяснять, почему не предупредил.

— Что «это»?

Дэн морщится.

— Ну...

Он замолкает. Я смотрю на него. Он смотрит на меня. В кабинете становится настолько тихо, что я слышу, как где-то в глубине дома тикают часы. Взгляд Дэна бегает от меня к двери, от двери к окну, потом снова возвращается ко мне, словно он надеется, что вопрос каким-то чудом сформулируется самостоятельно. Не формулируется. Он явно понимает, что я уже знаю, к чему он ведёт, но всё равно не хочет произносить это первым. Я почти физически чувствую, как он пытается подобрать наиболее безопасную формулировку, которая не заставит меня выставить его из кабинета вместе с его любопытством.

— Ты и она. Ваши *эти*...

— Двадцать процентов, — обрываю его. Он застывает. Я смотрю на него поверх сцепленных пальцев и очень спокойно добавляю. — Если ты сейчас не заткнёшься, я урежу с твоей зарплаты двадцать процентов.

Несколько секунд Дэн просто смотрит на меня. Потом медленно откидывает голову назад, будто я только что нанёс ему тяжелейшее финансовое оскорбление. На лице появляется выражение как будто его только что несправедливо лишили последней радости существования. Сокрушённо хлопает ладонями по бёдрам и поднимается с дивана.

— Бля, какой ты а...

Он не заканчивает фразу.

Просто разворачивается, направляется к двери и уже на ходу бросает:

— Жаба скрытная.

Дверь захлопывается. И только после этого я позволяю себе коротко усмехнуться.

Дэн старше меня на пять лет, но иногда ведёт себя так, будто ему двенадцать и он только что обнаружил, что взрослые разговаривают о чём-то интересном за закрытой дверью. Его любопытство — отдельная форма психического расстройства, которую, судя по всему, никто пока не научился лечить. Удивительное сочетание — человек, способный спокойно обсуждать трупы, оружие и чужие долги, но при этом искренне неспособный пережить пять минут, не выяснив, что именно происходит между мной и женщиной, которую он видел один раз. Я снова опускаю взгляд на бумаги, но улыбка ещё некоторое время остаётся на лице.

Потом исчезает.

«Это»... Да нет никакого «это».

Да, мы знакомы. Да, она этого не помнит. На этом всё. Хорошо это или плохо? Вообще никак. Такая мелкая деталь не способна ни на что повлиять, да и «знакомы» — это слишком громко сказано. Просто мы виделись пару раз, когда были детьми. Не больше и не меньше. И очевидно, почему она это забыла. Настолько мелочно и жалко, что даже внимания не стоит. Я сам не понимаю, почему вообще это помню, если на то пошло. В мире есть вещи гораздо важнее случайной

девочки, с которой я когда-то несколько часов просидел на балконе, пока наши родители изображали счастливые семьи внутри дома. Но Дэн теперь не успокоится, пока не расковыряет мне мозг чайной ложкой и не распотрошит все воспоминания, будто там действительно есть что потрошить.

Рафаэль. 13 лет.

Моя ненависть к материнской любви таскаться всей семьёй абсолютно на все званые ужины заставляла ненавидеть и этот вечер. Вудовым отпрыскам исполнялось по семь, и удивительно, как мать их семейства умудрилась сделать из этого целый приём. Не просто день рождения, нет. Музыка, еда, десятки людей, цветы, украшения, бесконечные разговоры и улыбки. Эта женищина... Меня тошнит от её суетливости и желания всем угодить. Её любимой игрушкой в детстве точно была юла: вот она здесь, а через секунду уже там, а в следующую уже пихает тебе что-то в рот, требуя попробовать. При этом она каким-то чудом успевает улыбаться каждому, будто совершенно не устала. Я бы от одного этого умер. Бесит.

А праздник ещё даже не начался. И единственное, что удерживает меня от привлекательного дерева на заднем дворе, на котором так лаконично разместилась бы висельница, — это Ви. Во всём этом хаосе безумной суетливости и непоседливости собственных братьев она сидела со мной за пустым столом и методично гипнотизировала единственную чашу с персиками посередине. На неё легко залипнуть.

Будто вдруг на нас обрушивается смерч, сметая всё на своём пути, а мы вместе с этим столом остаёмся неподвижной константой, застрявшей во времени. Люди ходят вокруг, разговаривают, смеются, что-то двигают, а она почти не шевелится, словно весь этот шум вообще не имеет к ней отношения. Иногда мне кажется, что она умеет исчезать, не двигаясь с места.

У Ви нет привычки здороваться. Как и нет привычки собирать заколкой волнистую чёлку, которая лезет ей в глаза. Смотреть на это больно. Она постоянно отбрасывает волосы движением головы, а через несколько секунд они снова падают ей на лицо, и всё начинается сначала. Когда мы встретились впервые год назад на точно таком же мероприятии, она просканировала меня взглядом ещё на пороге и легко мотнула головой в сторону лестницы. Честно, тогда я решил, что она немая. Любой бы так решил. Искушённый желанием скрыться от надвигающегося ужаса подготовки, я, конечно, последовал за ней в неизвестность.

Первая мысль была, что она ведёт меня в свою комнату. Не знаю почему именно туда. Наверное, потому что в тринадцать лет все странные девочки, которые молча зовут тебя за собой, кажутся подозрительными. Но нет. Мы оказались на балконе, выходящем в просторный лес. Она облокотилась на перила и просто смотрела вдаль, а я чувствовал себя лишним. Она не сказала мне ни слова, что только добавляло абсурдности ситуации. Я даже несколько раз по-

косился на неё, ожидая хоть какого-нибудь объяснения, но она продолжала смотреть на деревья. И ровно в тот момент, когда я уже начал думать, что она просто сущность, которую вижу только я, слова вырвались из меня сами:

— Ты немая?

Да, это было грубо. Наверное, худший вопрос, который можно задать при знакомстве. Но я спрашивал серьёзно. Она просто не давала мне шанса думать иначе. Ни жеста, ни улыбки, ни попытки заговорить первой. Только этот странный взгляд, который почему-то заставлял чувствовать себя так, будто это я пришёл без приглашения в её мир.

— А ты?

Прилетело в ответ в подобной же грубой форме, будто она просто скопировала моё раздражение и надела его как вторую кожу. Я повернулся к ней, нахохлившись. Не знаю, что именно меня задело сильнее: сам вопрос или то, насколько спокойно она его задала.

— Я нет.

— Почему тогда молчал?

— Я?! — получилось так громко, что эхо понесло по лесу, и это немного меня остудило. Наклонился к ней, нахмурившись, пока она продолжала смотреть вдаль, продолжая меня раздражать. — Это ты... Это твой дом! Ты должна была представиться, поздороваться со мной и...

— Тебе нужно разрешение, чтобы заговорить в моём до-

ме? — легко перебила она, повернувшись и посмотрев на меня с намёком на улыбку. Да её сейчас от смеха разорвёт от того, какой я нелепый. Прекрасно. И, видимо, мой ступор она принимает по-своему, поэтому решает добить меня своим спектаклем. Выпрямляется, полностью поворачиваясь ко мне, делает небольшой реверанс и произносит ровным тоном: — Приветствую тебя в этой обители скорби и страданий. Моё имя Вивьена, а тебя зовут Рафаэль, прямо как нашу собаку. Прости меня за сравнение. Теперь я даю тебе право заговорить со мной.

Тишина затягивается до того момента, пока она просто не начинает ржать над моим возмущённым лицом. Эхо её смеха раскатывается по лесу, и от этого звука я чувствую, как в груди что-то отпускает. Странное ощущение. Как только чувствую собственную улыбку, заставляю мышцы расслабиться. Правда, получается не сразу, потому что я всё ещё пытаюсь сохранить хотя бы остатки достоинства.

— Извини, — произносит она, отсмеявшись. — Ты просто нёс такую чушь. И твоё лицо...

Я торможу её новый приступ смеха.

— У вас правда есть собака Рафаэль?

— Нет. Но Лео весь год упрашивал отца, поэтому, возможно, она появится сегодня. Будешь оборачиваться на каждый зов?

— Если твои братья назовут собаку моим именем, я

убью их, — я почти не шучу. Это настолько оскорбительно, что ничего, кроме угроз, в голос не лезет.

Ви снова отворачивается, опираясь руками на перила балкона. Внизу ветер шевелит верхушки деревьев, и лес выглядит совершенно иначе, чем дом за нашей спиной. Там всё громкое, яркое и живое, а здесь почему-то кажется, что время действительно замедлилось.

— Хорошо. Но только не сегодня. Мама целый день готовила утку. Будет жаль, если никто не попробует её на фоне траура.

Я тихо усмехаюсь. Мы ещё несколько часов просидели там, разговаривая ни о чём, делая длинные паузы и почти ничего не рассказывая друг другу о себе. И почему-то именно это молчание между нами тогда не казалось неловким.

А потом был такой же ужин и такое же беззвучное прощание. Она просто посмотрела на меня перед тем, как уйти, и слегка кивнула, будто мы снова договорились о чём-то, о чём даже не разговаривали. Я ничего не спросил. Она ничего не сказала. На следующий день я вернулся домой и почти сразу забыл об этом вечере.

Я солгу, если скажу, что сегодня собирался с тем же скверным настроением, как год назад. Теперь я знал, что здесь будет Ви, которая хотя бы немного раскрасит мои страдания, или мы даже сможем помочь друг другу пережить этот семейный цирк. Я почему-то рассчитывал, что снова получится сбежать куда-нибудь, где нет взрослых,

музыки и бесконечного количества еды. Но в этот раз не было балкона. Зато был стол, остановка времени и чашка с персиками в центре.

Я не видел её ровно год, но мало что в ней изменилось. Тёмные волосы стали немного длиннее, и эта дебильная чёлка, которая явно ей мешала, теперь лезла в глаза ещё сильнее. В остальном Ви выглядела точно так же. Немного отрешённый взгляд, будто она не здесь, бледная кожа и искусанные в кровь губы, по которым она проходила то и дело. Я выдерживаю ещё немного. Потом не выдерживаю.

— Съешь уже. Смотреть тошно.

Медленно переводит на меня взгляд, и я почти уверен, что сейчас получу какой-нибудь язвительный ответ. Но она только снова смотрит на чашу. Я киваю на неё подбородком. Она качает головой. Я снова киваю. Она снова качает головой. Мы несколько секунд ведём этот idiotский молчаливый спор, пока я наконец не понимаю, что она действительно не собирается брать персик. Вероятнее всего, гипноз происходит из-за того, что её мать запретила брать что-то со стола до начала пира. Но... Не думаю, что кто-то отрубит ей голову за съеденный фрукт. Родители, конечно, строгие, но если бы я добровольно захотел съесть что-то полезное, они бы пригнали камаз этого и не успокоились, пока я не доем.

Руки чешутся взять ножницы и наконец избавить её от этой треклятой чёлки, которая постоянно лезет в лицо.

Она снова отбрасывает волосы движением головы, но через пару секунд они возвращаются на прежнее место, будто из принципа отказываясь ей подчиняться.

— Не могу.

— Почему? — краем глаза замечаю, как суета вокруг нас постепенно исчезает. На кухне не остаётся никого, а голоса из соседнего помещения становятся тише.

— Я умру.

— От персика? — скепсисом в моём голосе можно кормить атеистов.

— От анафилактического шока, — складывает руки на столе и ложится на них, переводя взгляд на несчастную тарелку. — У меня аллергия.

Это... Логично. Причём настолько, что мне становится немного стыдно за собственную тупость. Смотрю на персики, потом на неё и пытаюсь вспомнить, каким образом умудрился за несколько минут построить целую философскую теорию вокруг обычной аллергии. Наверное, именно поэтому мне становится немного обидно: каждый наш разговор каким-то образом заканчивается тем, что я выставлю себя дебилом. И хуже всего то, что Ви даже не пытается меня в этом убедить. Она просто смотрит. Иногда мне кажется, что её молчание способно унижать гораздо эффективнее любых слов.

— Тогда ненавижу их.

Заинтересованно переводит на меня взгляд. Я сам не до

конца понимаю, что именно только что ляпнул, поэтому начинаю судорожно прокручивать в голове собственную фразу, пытаюсь найти в ней хотя бы подобие смысла. Тишина затягивается, и я понимаю, что должен либо объяснить, либо придумать что-то ещё, иначе окончательно утону в собственной глупости. Я не люблю, когда меня рассматривают, особенно когда человек явно ждёт продолжения. Поэтому начинаю говорить раньше, чем успеваю подумать.

— Они могут тебя убить, так?

Она едва заметно кивает.

— Ты должна ненавидеть то, что может тебя убить. Это заложено природой. Существо, испытывающее страх перед смертью, перерабатывает этот страх в ненависть. Люди боятся, что солнце в один момент раскалится настолько, что сожжёт землю, именно поэтому они ненавидят жару.

— Люди не поэтому ненавидят жару.

Мельком замечаю, как она улыбается, и продолжаю просто ради того, чтобы видеть это дальше. Мне почему-то хочется растянуть этот момент, хотя ещё минуту назад я был уверен, что она смеётся надо мной. Сейчас это уже не так важно.

— Именно поэтому. Или воду. Некоторые панически боятся глубины и поэтому ненавидят воду. Они подсознательно чувствуют, что могут умереть. Инстинкты самосохранения заставляют нас обходить стороной всё, что

может нас убить.

— Но людей всё равно тянет к воде, — Ви тяжело вздыхает, и улыбка тает. Вместе с этим я начинаю паниковать, потому что не хочу, чтобы разговор снова закончился. — Мы можем умереть от падения с высоты, но всё равно покоряем горы. Можем захлебнуться, но всё равно исследуем глубины.

Я хмурюсь. На секунду хочется просто промолчать, но тогда она окончательно победит, а проигрывать я не люблю даже в вещах, правила которых сам придумал пять секунд назад. Поэтому хватаюсь за первую мысль, которая приходит в голову.

— Если не будет воды, к ней не будет тянуть, — тяну к себе чашку с персиками и забираю её со стола под заинтересованный взгляд. — Желать того, что может тебя убить, — тупо. Ты же не хочешь прыгнуть с крыши, хотя это тоже может тебя убить.

Когда я опускаю взгляд в чашку, чувствую, как к горлу подступает тошнота. Ненавижу персики. Никогда их не любил. А теперь ненавижу ещё больше. Ви молчит и просто наблюдает за тем, как я выкидываю их в мусорное ведро, приминая сверху, просто чтобы они выглядели ещё мерзее. Мягкая мякоть расплзается под ладонью, сок смешивается с мятыми кусками, и теперь они действительно похожи на что-то, что уже несколько дней пролежало под чьим-то ботинком.

— Это... достаточно радикально. А если кто-то другой захочет персиков?

— И что? Значит, кто-то другой обойдётся без них.

Я прокручиваю это воспоминание в голове и не могу понять, что именно мне пытается подсказать подсознание. Хотя...

Её поведение.

Оно всегда было отстранённым, флегматичным и совершенно не сочеталось с попыткой напасть с разбитой бутылкой в руке на мужчину выше тебя на две головы. Видимо, действительно сыграл момент отчаяния. Мозг отключился и включились инстинкты выживания.

И это, если подумать, даже логичнее. Когда человек уверен, что ему нечего терять, страх перестаёт работать так, как должен. Он превращается во что-то другое. В тупую необходимость двигаться, бить, кусаться, рвать зубами всё, что встаёт между тобой и выходом. Я видел такое раньше. Люди в состоянии паники иногда делают вещи, которые никогда бы не сделали в здравом уме, а потом сами не могут объяснить, откуда в них взялись силы. Возможно, с ней было именно так.

Сегодня она будет работать на кухне. Среди кучи острых ножей, вилок и остального потенциального оружия. Дэн знает своё дело и не стал бы отправлять её туда без должной подготовки, а значит, наверняка уже предупредил Мэри и остальных, что за ней нужно следить. Но и мне не стоит рас-

слабляться. Человеческий фактор, одна маленькая ошибка — и она из потенциальной проблемы может стать вполне реальной. Нельзя этого допустить. Особенно сейчас, когда все уверены, что после первого дня она уже смирилась с происходящим.

Люди редко смиряются так быстро. Они просто устают сопротивляться.

Я перелистываю бумаги на столе. Картина достаточно обычная, но глазу есть за что зацепиться. **Вивьена Вуд**, в прошлом **Вивьена Астор**. Мои мимолётные предположения редко становятся истиной, но её действительно удочерили незадолго до нашей встречи. Мать умерла от сердечного приступа, а её сестра решила взять опеку над дочерью, впоследствии её удочерив. Значит, из реальной родни во всей этой семье для неё являлась только тётя, которая и стала приёмной матерью. Это даже немного объясняет то, как она выделялась на фоне всей их семьи в детстве.

Множество однотипных заболеваний, которые чаще всего заканчивались лазаретом. Ничего серьёзного. Отравления, ОРВИ, анемия. Ничего, что действительно стоило бы внимания. Но количество записей всё равно заставляет задержать взгляд на странице чуть дольше. Слишком часто для обычного человека. Возможно, просто слабый иммунитет. Возможно, совпадение. Возможно, ничего. Я перелистываю дальше.

Медицинское образование, полученное год назад. А

вот это уже действительно интересно. Стоит запомнить. Необычный выбор для девушки из семьи Вудов, особенно учитывая её происхождение и то, сколько возможностей перед ней наверняка открывалось. Значит, либо она сама этого хотела, либо кто-то решил за неё. Второй вариант почему-то кажется мне более вероятным. Я делаю мысленную пометку вернуться к этому позже и перелистываю страницу.

Дальше идёт стандартная информация, изучение которой я откладываю на потом. Немного раздражает то, что она, хоть и ненадолго, но оккупирует мои мысли, хотя без этого не обойтись. Моё желание предугадать каждый её шаг пересиливает моё нежелание о ней думать. В доме есть камеры, охрана, слишком часто Дэн, но всё то же желание не даёт мне расслабиться. Я привык знать, что происходит на моей территории. Любая переменная, которую я не могу просчитать, автоматически становится проблемой.

Смон.

Нужно прокрутить всё ещё раз.

Сейчас она в моём доме. В моей власти. Под кучей камер наблюдения, и нужные люди следят за каждым её шагом. Я знаю, где она находится, с кем говорит, и куда смотрит, когда думает, что никто не обращает внимания. Это не продолжится долго. Она не успеет увидеть в этом месте новый дом. И уж точно не успеет привыкнуть к тому, что здесь есть стены, которые не принадлежат ей. Я продам её быстрее. Тому же Диего, если он сможет заинтересовать меня ценой. Для

него она, конечно, будет выше, чем для любого другого, но и он раздражает меня больше остальных. Особенно его манера улыбаться, когда он уже решил, что получит желаемое. Она выгодное предложение в моих руках, о котором я не должен думать слишком долго.

Смотрю на закрытую папку и несколько секунд не двигаюсь. Это всего лишь актив. Временный. Чужой. Дорогой, если правильно распорядиться. Такие вещи не должны задерживаться в голове дольше, чем требуется для оценки стоимости. Чем быстрее от неё избавиться, тем меньше лишних переменных появится. Она уйдёт из этого дома, деньги останутся здесь, а всё остальное перестанет иметь значение. Простая схема. Рабочая. Воздух медленно покидает грудь, и я возвращаюсь к делам, от которых меня отвлёк Дэн. Бумаги одна за другой перемещаются из одной стопки в другую, цифры сходятся, документы подписываются, несколько звонков проходят быстрее, чем я ожидал. Работа всегда хороша тем, что не требует от меня думать о том, что не имеет значения. У неё есть начало, конец и конкретный результат. Если что-то не работает, это исправляется. Если кто-то мешает, его убирают. Всё просто.

К вечеру за окном темнеет. Солнце постепенно исчезает за линией деревьев, оставляя на стекле тусклые отблески, а кабинет погружается в привычную полутьму. Когда со всем было покончено и время близилось к вечеру, я почувствовал, насколько же отекли все конечности. Ноги затекли от долго-

го сидения, плечи неприятно тянуло, а пальцы несколько раз пришлось размять, прежде чем они снова начали нормально двигаться. Поднимаясь со стула, с заманчивостью взглянул на диван в углу. Мягкий, широкий, достаточно удобный, чтобы на несколько минут закрыть глаза и больше их не открыть до утра. Но, поняв, что на нём же и засну, решил, что лучше ещё немного времени потратить с пользой.

Беру со стола часы и смотрю на циферблат. Скоро время ужина. А значит, если она подошла для кухонной работы, то сейчас должна быть там. Стоит проверить, что там происходит хотя бы из соображений безопасности. Я просто не собираюсь допускать, чтобы в моём доме произошла какая-нибудь глупость из-за того, что я решил оставить новую переменную без контроля.

Выхожу из кабинета и запираю дверь. Коридор встречает привычной тишиной. В доме достаточно людей, чтобы здесь никогда не было действительно пусто, но персонал давно научился двигаться так, чтобы не попадаться на глаза без необходимости. Где-то внизу слышится приглушённый звон посуды, хлопает дверца шкафа, доносится чей-то короткий окрик. Обычные звуки. Дом живёт своим ритмом, и только я знаю, сколько людей одновременно следят за тем, чтобы этот ритм не нарушился.

С кухни доносится запах еды. Желудок напоминает о себе, но я почти не обращаю внимания. Смотрю на приоткрытую дверь и на секунду останавливаюсь. Открываю дверь. И

первым делом вижу её. Ви стоит у рабочего стола, всё ещё в той одежде, в которую её переодели, только теперь поверх накинута фартук. Волосы снова лезут в глаза, на щеке осталась едва заметная полоска муки, а рука держит нож. Я замираю буквально на секунду.

Нож. Потом смотрю на её пальцы. Спокойные. На лицо. Спокойное. И только после этого замечаю, что она режет овощи. В следующую секунду что-то меняется. Рябь. Если не заострять внимание, можно убедить себя, что показалось. Всего лишь едва заметное движение в теле, настолько маленькое, что любой другой человек, скорее всего, его бы не заметил. Но я смотрю именно на неё, поэтому замечаю. Пальцы крепче схватились за ручку, спина напряглась, ноги немного подогнулись, и вся поза стала намного настороженнее. Она ещё продолжает резать овощи, но теперь каждое движение выглядит так, будто тело готово в любой момент бросить нож в сторону и отступить.

Она чувствует мой взгляд. И она уверена, что это именно я. Я вызываю в ней страх и опасения, и это правильно. Страх делает людей осторожными, а осторожный человек гораздо реже совершает глупости. Главное, чтобы сейчас ей не сорвало башку и она не начала кидаться с ножом на Мэри. Это, конечно, приткая старушка, несмотря на возраст способная заставить половину кухни двигаться быстрее одним взглядом, но в такой ситуации исход будет плачевный. Для обеих. Чувствую, как она начинает тяжелее дышать, и не могу

сразу разобрать, из-за чего именно. Устала? В напряжении ушли последние силы? Уверен, что дома за неё всё делала мать, так как прислуги не было, а эта женщина и раньше была слишком суетливой. Я помню её ещё по тем редким визитам. Она всегда находилась в движении, будто если остановится хотя бы на минуту, дом развалится. Поэтому вполне возможно, что Ви привыкла просто существовать в готовом пространстве, где еда появляется сама, одежда оказывается на своих местах, а любые бытовые проблемы решает кто-то другой. А здесь её заставили работать, стоять на ногах и выполнять поручения.

Либо психанёт, либо доделает всё из упрямства. Меня больше привлекает второй вариант, ведь с первым придётся работать Дэну, а ему это очень не понравится. Дэн умеет находить подход к людям, но терпеть не может, когда ему приходится объяснять очевидное несколько раз. А Ви, судя по всему, способна молчать настолько долго, что человек рядом успеет состариться.

Слежу за рукой с ножом, прикидывая, смогу ли подойти достаточно быстро, чтобы его у неё выбить, если понадобится. Расстояние небольшое. Между нами несколько шагов, стол и Мэри. Если она резко дёрнется, времени на размышления не будет. Придётся действовать сразу. Мысленно прокручиваю траекторию движения, отмечаю, куда поставить ногу, как перехватить запястье, где лучше всего остановить руку, чтобы она не успела сделать хотя бы один лиш-

ний взмах.

Она медленно выдыхает.

Чётко очерченные лопатки под бледной кожей двигаются крыльями. За собой замечаю, как сам задержал дыхание, рассматривая это, и снова возвращаю взгляд на руки. Они держат нож легче, чем секунды назад. Пальцы больше не впиваются в рукоять, запястье расслабляется, плечи постепенно опускаются. Движения становятся легче. Будто она смогла абстрагироваться от моего присутствия, запихнуть страх куда-то глубоко внутрь и продолжить делать то, что от неё требуют.

Интересно.

Обычно страх либо заставляет человека действовать, либо полностью его парализует. У неё получилось третье. Она просто отодвинула его в сторону. Не победила. Именно отодвинула, как ненужную вещь.

Хорошо.

Я наблюдаю ещё несколько минут, не замечая больше никакой ряби. Она продолжает работать, Мэри что-то тихо говорит ей, а Ви отвечает коротким кивком, не поднимая головы. Нож снова превращается в обычный кухонный инструмент, а не в потенциальное оружие. Позволяю себе ещё несколько секунд посмотреть на неё, прежде чем заставляю себя отвернуться. Ухожу с кухни, оставляя за спиной запах еды, тихий звон посуды и размеренный стук ножа о разделочную доску.

Успеваю пройти всего несколько метров, когда за спиной раздаётся грохот.

Вивьен

Зрение мылит. Я смотрю через калейдоскопное стекло, как серое пятно режет зелёные пятна, и несколько секунд вообще не понимаю, что именно вижу перед собой. Всё во-круг перемешали грязной кистью, оставив только самые простые цвета: зелёный, серый, чёрный. Всё тело горит, хотя ещё недавно мне казалось, что замёрзну прямо на этом месте, и капля пота медленно скатывается между лопаток, оставляя за собой противный влажный след. Ещё и этот смотрит так, будто я ему мёдом намазана. Да не буду я никого резать. Я за нож-то держусь с трудом, а он уже, наверное, мысленно рассчитывает, за сколько секунд успеет выбить его из моей руки.

Задолбал.

Медленно выдыхаю, стараясь не обращать внимания на то, как воздух царапает пересохшее горло. Кислород должен помочь встать мыслям на место, хотя, если подумать, вряд ли врачи лечили бы простуду кислородом. Но пока что это мой единственный ресурс, который у меня никто не отобрал. Вдох. Медленный. Ещё один. Цепляюсь за сам процесс дыхания, как человек цепляется за край обрыва, когда пальцы уже начинают неметь, потому что если сейчас позволю себе просто перестать контролировать тело, оно, кажется, окон-

чательно решит выключиться.

Вместе с воздухом чувствую, как медленно выходят последние силы. Сначала тяжелеют руки, потом ноги, потом даже держать голову прямо становится каким-то неоправданно сложным занятием. Сильнее сжимаю пальцы вокруг ножа и почти сразу жалею об этом, потому что ладонь отзывается тупой болью, а запястье начинает дрожать.

Держись. Совсем немного.

Продержаться до конца, а потом можно спокойно отоспаться в выделенной для меня каморке. Не думать. Не вспоминать. Не пытаться понять, что произошло с домом, с родителями, с братьями. Просто закрыть глаза и хотя бы несколько часов не существовать. Возможно, утром станет легче. Хотя бы физически. А если не станет, значит, придётся изображать, что стало.

Я уже видела свою комнату. Там нет окон и практически нет мебели, только небольшая тумба, в которой, похоже, должна будет появиться сменная одежда. На стенах ничего. Никаких картин, зеркал, фотографий или хоть чего-нибудь, что могло бы напомнить о нормальной жизни. Каморка. Самое подходящее слово. Маленькая коробка для человека, которого хотят куда-то спрятать и не слишком переживают о том, насколько ему будет удобно. Зато есть душевая и туалет, и это кажется почти роскошью.

Уже больше, чем у меня было дома.

Там приходилось выходить из комнаты, чтобы справить

нужду, и каждый такой выход сопровождался встречами с родственниками, которые обязательно находили повод спросить, куда я иду, почему так долго и почему вообще не могла потерпеть. Здесь же я могу не мозолить никому глаза. Никто не будет задавать вопросов. Забавно, как быстро человек начинает считать минимальные удобства привилегиями, если до этого у него отняли всё остальное.

В какой-то момент я перестаю чувствовать нож. Сначала кажется, что просто затекли пальцы, но потом исчезает и доска под лезвием, и собственная ладонь, и даже пол под ногами. Всё вокруг начинает медленно отдаляться, будто кто-то выкручивает громкость у реальности, пока она не превращается в далёкий гул. Чёрная пелена поднимается снизу, забираясь в поле зрения, размывая зелёные пятна кухни, а потом мир окончательно складывается сам в себя. Я ещё успеваю подумать, что сейчас, наверное, будет очень больно падать, и это оказывается последней связной мыслью.

Тепло. И мягко.

Тело кажется бетонным. Пытаюсь пошевелить рукой и не получаю никакого результата. Ноги тоже не слушаются. Голова лежит неподвижно, веки кажутся такими тяжёлыми, что я даже не могу понять, открыты они или нет. Внутри всё медленное, вязкое и глухое. Я пытаюсь вдохнуть глубже. Получается. Значит, уже неплохо.

Следующая попытка пошевелиться заканчивается тем же успехом, поэтому открываю глаза. Сначала приоткрываю

их настолько, чтобы свет не успел ударить по зрачкам, и несколько секунд просто смотрю в мутное пространство. Первое, что вижу, — стул. Моргаю. Стул. Обычный деревянный стул, который раньше здесь отсутствовал. Под ним темнеет пол, рядом стоит что-то ещё, но зрение всё ещё мылит, поэтому приходится несколько раз моргнуть, прежде чем предметы перестают плавать друг в друге.

Стул стоит возле кровати. Кровать. Я перевожу взгляд чуть ниже и только теперь понимаю, что лежу не на том высоком матрасе, который был здесь, когда меня поселили. Тогда он лежал прямо в углу комнаты, почти без постельного белья, и больше напоминал временное место для сна, чем настоящую кровать. Вероятнее всего, это пространство когда-то использовали для ненужных вещей или как запасную комнату для гостей, которые появлялись здесь достаточно редко, чтобы не заслуживать отдельной спальни. По моему прибытию отсюда вынесли всё лишнее и оставили только самое необходимое. Кровать и стул явно относились к категории «лишнее». Снова моргаю. На стуле лежат таблетки. Рядом градусник. Кружка с водой. И... Шоколадный батончик?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.